

гическом содержании образа ("Свет зодиака", "Камень" и др.) и переживаемые, создаваемые заново интенциональным сознанием повествователя, его универсальной памятью ("Память дьявола", "Геннисарет"). Следовательно, картинка из природного мира становится знаком невидимого, возможностью актуализации (и развертывания) смыслового содержания разного рода. В ряде случаев повествователь "обнажает" перед читателем "механизмы" такого развертывания: <<Да, "свет и во тьме светит". Вот закатилось солнце, но и во тьме только солнцем живет и дышит все сущее...>>.

Часто такого рода расшифровки, модифицируясь, уходят в подтекст, создавая символическое поле произведения ("Иудея", "Шеол", "Геннисарет"). Подобную функцию выполняют в цикле образы неба, водного пространства, луны (образ луны дан по контрасту с образом солнца в очерке "Страна содомская"), ветра и др.

Таким образом, в цикле "Тень птицы" автор открывает возможности и приемы преобразования эпического содержания в символическое. В дальнейшем Бунин-художник идет по пути все большей актуализации мотива памяти на уровне стиля и все большего свертывания смысла, что закономерно приводит к использованию принципов символического обобщения, к усилению и усложнению символики.

Е.Е.Приказчикова

МЕМУАРНЫЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ 1830 - 1840-Х ГОДОВ

В первую треть XIX века становится очевидным, что не только художественная литература оказывает влияние на мемуарные жанры, но происходит и обратный процесс: правда "неприукрашенной действительности", открытая мемуаристами десятых годов XIX века, начинает оказывать влияние на художественную литературу, прежде всего на жанр исторического романа.

С одной стороны, конкретный фактографический материал диктовал автору исторического произведения возможные ходы его будущей романической интриги, особенно в тех

случаях, когда факт сам по себе не был лишен романтического или сентименталистского колорита. Так, М.Загоскин включает в свой роман "Рославлев, или Русские в 1812 году" эпизод с начальником партизанского отряда и пленным французским кирасирским поручиком, целиком взятый из "Военных записок" Д.Давыдова. Самоубийство двух юных москвичек, дочерей священника, отдавших предпочтение смерти перед возможным бесчестьем, приведенное в качестве действительного факта в "Походных записках русского офицера" И.Лажечникова, впоследствии было использовано двумя русскими историческими романистами XIX века - М.Загоскиным в романе "Рославлев" и И.Калашниковым в романе "Автомат". Мужество священника Рождественского монастыря в Москве, отказавшегося упоминать в своих молитвах имя Наполеона вместо имени Александра и заслужившего своим мужеством уважение самих французов (этот эпизод был также приведен в "Походных записках..." И.Лажечникова), послужило первоосновой для соответствующего эпизода в романе Р.Зотова "Два брата в Москве 1812 года".

С другой стороны, главным достижением военной мемуарной прозы можно считать осознание необходимости создания в романе добротного исторического фона повествования, на основе которого и по которому автор "вышивает" узоры своих романических интриг с участием вымышленных и полувывмышленных героев. Мемуарный факт становится необходимым структурным элементом исторических произведений, и историческая проза 1830-х годов настойчиво и целенаправленно ищет опору в документальных свидетельствах эпохи. Эта тенденция отчетливо проявляется уже в первом историческом романе, посвященном эпохе 1812 года, романе М.Загоскина "Рославлев, или Русские в 1812 году". Роман М.Загоскина начинается с обширной цитаты из "Писем..." Ф.Глинки, в которой описывается начало Отечественной войны. В текст романа органично входят слова "Манифеста" Александра I при объявлении войны и ростовчинские афиши вроде "Мыслей вслух на Красном крыльце Силы Андреевича Богатырева". В русском молчаливом офицере современники узнавали А.Фигнера, сведения о котором М.Загоскин получил из "Дневника партизанских действий" Д.Давыдова. Воспоминания об "удалом авангардном начальнике"

М.Милорадовиче основано на соответствующих эпизодах из "Писем.." Ф.Глинки, который в 1812 году был его адъютантом. Встреча И.Мюрата и М.Милорадовича на аванпостах армии дается М.Загоскиным по вымышленному А.Булгаковым "Разговору Неаполитанского короля Мюрата с генералом графом Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года", который был напечатан в журнале "Сын Отечества". Эпизод в горящей Москве, когда Наполеон с риском для жизни пробирается через улицы русской столицы в Петровский дворец, взят из воспоминаний адъютанта Наполеона графа Ф.Сегюра. Отказавшись описывать в романе вход русских войск в Данциг, М.Загоскин отсылает читателей к "Запискам" В.Штейнгеля как к наиболее авторитетному источнику.

Интересен еще один аспект проблемы: отражение в исторических романах "правды голого факта", связанной с изображением ужасов народной войны. Примеры подобных неэстетических фактов во множестве встречаются в русской мемуарной литературе I половины XIX века. Достаточно вспомнить отрывок из "Писем.." Ф.Глинки (запись от 26 октября 1812 года), в котором он повествует о взаимном ожесточении двух сторон (поселян и французов) во время отступления наполеоновской армии из Москвы. Подобные эпизоды встречаются в "Записках" Н.Муравьева, "Записках Лифляндца" В.Левенштерна, "Записках" А.Ланжерона, в "Воспоминаниях" А.Муравьева, который свидетельствовал: "Всех произведенных с обеих сторон ужасов описать невозможно. Люди сделались хуже лютых зверей и губили друг друга с неслыханной жестокостью". Эта мемуарная "правда голого факта" не могла не оказать влияния на поэтику русского исторического романа, став необходимым элементом исторического фона романного повествования, в котором автор описывал характерные черты народной войны, ужасаясь жестокости, с которой она велась.

Однако, как правило, подробное описание обоюдных зверств не попадало на страницы исторических романов. Это объяснялось тем, что "правда голого факта" противоречила эстетическим канонам русской литературы того времени, принадлежала как бы "вторичной", низкой действительности бытия, оскорбляющей нравственные чувства читателей. Подобное отношение к "правде голого факта", столь явно нарушающего идеальные каноны поведения людей наполеонов-

кой эпохи с их культом чести и чувствительности, характерно не только для литературной ситуации 1830 - 1840-х годов, но и для более позднего времени. Так, Л.Н.Толстой в окончательном варианте романа "Война и мир" отказался от введения в него сцен, изображающих ужасы народной партизанской войны, ограничившись созданием колоритной и противоречивой фигуры Тихона Щербатова. Когда Н.Некрасов в 1856 году написал стихотворение "Так, служба! Сам ты в той войне...", сюжетом которого послужил рассказ П.Тучкова о том, как крестьяне-партизаны последовательно зверски убили французского офицера, его жену и детей, и напечатал его, то это вызвало взрыв возмущения А.Григорьева, назвавшего поэта "большим" человеком.

Ю.М.Проскурина

УРАЛЬСКИЕ БЕЛЛЕТРИСТКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1860-Х ГОДОВ

Начавшийся в шестидесятые годы (1858 - 1868) расцвет русского реализма был обеспечен не только известными в писательской среде именами, но и рядовыми беллетристами, без которых, по мнению В.Г.Белинского, богатство литературы невозможно. С.Дудышкин, замечая в творчестве периферийных писателей "родовые признаки известного времени", полагал, что принципы реализма или, как он говорил, "условия школы реальной ... школы, создающей типы из жизни действительной, вседневной и обыкновенной, позволяют и талантам второстепенным делаться замечательными, если у них есть только наблюдательность и житейская опытность" (Отечественные записки. 1855. №1, отд.4. С.58).

К таким второстепенным талантам принадлежат и уральские писательницы А.А.Киришицкова (урожденная Быдарина) и Е.А.Словцова (псевдоним - Камская). Они представляют так называемую литературную периферию и по степени одаренности, и по месту жительства, хотя их произведения печатались на страницах центральных журналов. Так, повести Словцовой "Любовь или дружба? Отрывок из воспоминаний моей знакомой", "Моя судьба" были опубликованы в "Русском вестнике" в 1859 и 1863 годах. Несколько позже, в 1865 году, читатели "Современника" могли познакомиться с